

УДК 82.09:82-95(048)

**«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» Л.Н. ТОЛСТОГО
В КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА
(А.И. БРОВКОВИЧА)**

Б.И. Колмаков

Аннотация

Статья посвящена проблеме критического восприятия литературного творчества и религиозно-философских взглядов Л.Н. Толстого православной церковью. Предметом анализа стало литературно-критическое выступление архиепископа Никанора (Бровковича), посвящённое знаменитой повести писателя «Крейцера соната». Рассматриваются особенности восприятия и оценки критиком учения Толстого, нашедшего выражение в его произведении, композиционное и стилистическое своеобразие статьи архиепископа Никанора.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, архиепископ Никанор (Бровкович), повесть «Крейцера соната», православная церковь, литературная критика.

Истоки противостояния Л.Н. Толстого и Русской православной церкви нужно искать в ранней юности писателя, когда он, будучи студентом Казанского университета, увлёкся идеями Ж.-Ж. Руссо и, как он сам вспоминал, вместо нательного крестика носил медальон с портретом своего кумира. В 80-е годы XIX в. писатель вступает в открытую полемику с Церковью и провозглашает своё неприятие традиционного толкования Евангелия, церковных догм и обрядовости. Свои религиозно-философские взгляды он изложил в таких трактатах, как «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырёх евангелий», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?», «Христианское учение», и, конечно же, эти взгляды нашли своё прямое или косвенное выражение в его художественных произведениях.

Зарождение и развитие конфликта во многом определялось самой эпохой второй половины XIX в. – эпохой духовного кризиса русского общества. Разрушение традиционных представлений о мире и человеке, сопровождавшее формирование нового буржуазного общества, было закономерно. Рационализация сознания, культ индивидуализма и эгоизма, утверждение прагматизма в человеческих отношениях влекли за собой потерю духовных, нравственных ценностей, потерю веры. Разум образованного человека, интеллигента восстал против неосознанной веры и религиозной обрядовости, требуя рационального объяснения христианской догматики. В этой ситуации Церковь утрачивает многовековую монополию на руководство духовной жизнью общества.

Эволюция общественного сознания в контексте глобальных исторических перемен конца XIX в., необходимость адаптации, приведения в соответствие нового взгляда на мир, новой системы общественных отношений и ценностей, внутренней жизни современного человека и существующих духовно-религиозных традиций порождают потребность в религиозном реформаторстве. Богоискательство становится важнейшей тенденцией духовной жизни русского общества конца XIX – начала XX в. – времени, на которое приходится и последний период творческого пути Л.Н. Толстого. Расцвет русской религиозно-философской мысли и вместе с тем распространение сектантства наглядно отражают эту тенденцию. И, естественно, Церковь не остаётся в стороне от происходящего.

Одной из центральных фигур в развернувшейся между Церковью и её оппонентами дискуссии стал Л.Н. Толстой, религиозно-философское учение которого вызвало резко отрицательную реакцию православного духовенства. Среди священнослужителей, выступивших в 80-е годы XIX столетия с критикой идей Толстого, был и весьма авторитетный деятель Церкви, архиепископ Херсонский и Одесский Никанор.

Архиепископ Никанор, в миру Александр Иванович Бровкович (1826–1890), – выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии, а затем и Санкт-Петербургской духовной академии. Знаменательным является тот факт, что в 23 года (16 сентября 1850 г.) он принял монашество. После окончания академии был назначен на преподавательскую должность по кафедре обличительного богословия, поэтому неслучайно важнейшим направлением его научных поисков стала деятельность раскольников. Впоследствии, будучи ректором Саратовской духовной семинарии и настоятелем саратовского Спасо-Преображенского монастыря, он продолжал заниматься проблемой расколичества.

В 1868 г., возглавив Казанскую духовную академию, он одновременно стал и редактором журнала «Православный собеседник». Журнал этот был создан при Казанской духовной академии ещё в 1855 г., когда ректором её был архиепископ Григорий (Постников). Главной же задачей «Православного собеседника» была борьба с расколичеством, сектантством и миссионерская деятельность. Н. Красносельцев, а затем и П. Знаменский (авторы трудов, посвящённых истории Казанской духовной академии [1, 2]), оценивая редакторскую деятельность архимандрита Никанора, отмечают, что он нередко публиковал в журнале и собственные проповеди и научные статьи, при этом характеризуют его как «автора весьма хорошо известного в области нашей духовной литературы» [1, с. 499].

Архимандрит Никанор стремился сделать журнал более современным, приближенным к реальной жизни, поэтому приветствовал появление на его страницах статей с «живым содержанием», а актуальность им придавала проблема, которая в это время приобретала всё большее значение, – обличение раскола и сектантства. По инициативе Архимандрита Никанора в издании был открыт отдел «летопись», где давались обзоры наиболее значимых событий религиозной жизни, причём не только православной, но и других конфессий. Однако этот отдел просуществовал недолго.

После возведения в сан епископа в 1871 г. более пяти лет он жил в Новочеркасске, а в 1876 г. был назначен епископом Уфимским и Мензелинским.

Опыт борца с расколом и сектантством пригодился архимандриту Никанору в его миссионерской деятельности в епархии, где значительная часть населения была инородцами и язычниками, а русское население, по словам самого архимандрита, проявляло равнодушие к Церкви. За семилетний период управления епархией он коренным образом изменил имевшееся положение.

Служебный путь архимандрита Никанора продолжился в сане архиепископа Херсонского и Одесского, а в последние годы своей жизни он принимал участие в заседаниях Святейшего Синода.

Мы не случайно привели отдельные факты из биографии архиепископа Никанора. Как видно из них, важнейшим направлением его деятельности стала борьба с раскольниковством и сектантством. Этому вопросу посвящены, например, такие его труды, как «Поучение в день празднования 50-летия воссоединения западно-русских униатов, 8/IV–1889 в Вильне», «Послание по поводу распространения штунды и других видов сектантства», «Слово о кресте в поучении ревнителям старого обряда», «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола» и др. Поэтому вполне закономерной была его позиция по отношению к Л.Н. Толстому.

Стоит отметить, что ещё до написания статьи, посвящённой «Крейцеровой сонате», архиепископ Никанор уже высказывал своё мнение о религиозно-философских и общественных взглядах Толстого, чему он посвятил несколько своих поучений и бесед. В одном из поучений он обращался к рассказу писателя «Три старца», написанному в 1886 г. В этом рассказе Толстой противопоставлял наивную веру простого человека учению Церкви. Скептически пересказывая сюжет народного предания, которое воспроизводит Толстой, архиепископ Никанор утверждал мысль о том, что истинная вера должна основываться на знании и обвинял писателя, отвергающего церковную догматику, в распространении невежества: «Сей ересеучитель учит св. Русь... невежеству в вере»¹ (ППНО, с. 16).

В другом поучении архиепископ Никанор, выступая против «ересеучения» Толстого, рассуждает о том, что идеи писателя становятся источником разрушения общественных отношений и государства. Причём уже в этой работе приводится цитата из Евангелия от Матфея (7, 15–20) о лжепророках, которые приходят к людям в «овечьей одежде». Этой цитатой в виде эпиграфа начинается статья (ППНН, с. 3) и ей же заканчивается (ППНН, с. 16).

Ещё одна работа архиепископа Никанора посвящена религиозным воззрениям Толстого. Эпиграфом к ней вновь послужил фрагмент из Евангелия от Матфея (7, 15–16) (БПН, с. 3), и этот же фрагмент, но только на современном русском языке и в расширенном варианте, завершает её: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают, и бросают в огонь. По плодам их узнаете их. Не всякий говорящий Мне: Господи! Господи! войдёт в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного. Мне скажут в тот последний день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали и проповедовали? И тогда объявлю им: “Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие”» (Матф. 7, 15–23) (БПН, с. 16).

¹ Здесь и далее цитаты из источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Преосвященный Никанор, подробно излагая религиозные воззрения Толстого, останавливается на важнейшем постулате его вероучения о бессмысленности личного существования и о наполнении смыслом жизни отдельной личности как части человечества, а также на утверждении писателя о бессмысленности веры в загробную жизнь. По мысли архиепископа Никанора, Толстой отвергает основной догмат любой религии. Обращает на себя внимание то, что значительная часть данной работы представляет собой изложение позиции Толстого. Сам же критик проявляет себя не столько в системе убедительных аргументов, сколько в эмоциональной оценке взглядов писателя, в выражении чувства возмущения ими.

Вместе с тем устные выступления и опубликованные труды архиепископа Никанора получили высокую оценку его современников. В частности, А. Крылов в своих комментариях к собранию его сочинений отмечает, что они производят «сильное впечатление и оставляют в душе глубокий и положительный след» [3, с. 1–2].

Главными особенностями выступлений архиепископа Никанора Крылов считает тщательность, доскональность, всесторонность анализа рассматриваемой проблемы, их познавательность, содержательность, умение по-новому осветить тему и увлечь читателя (слушателя), эрудированность автора, его знание жизни и искренняя вера. «Учёность, знание жизни, глубокое понимание хода истории и её переворотов, внимание ко всем и всяческим проявлениям жизни и знание людей так и проглядывают в каждом поучении, которое касается жизни человеческой. Тонкое чувство строгого богослова, глубоко, строго и непоступно понимающего все тончайшие, едва уловимые, разветвления мысли в догматическом учении, придаёт особенное значение этим поучениям. Автор поучений – глубокий богослов, много потрудившийся над разработкою богословской науки в её разнообразных отделах, вложил в поучения и беседы именно это глубокое понимание многих глубоко-сокровенных сторон богословского учения» [4, с. 2], – так характеризует автор библиографической заметки труды проповедника.

Ещё одну важную особенность выступлений преосвященного Никанора отмечает А. Крылов – особое внимание к проявлению «безверия, маловерия или индеферентизма в вере в высших и средних классах общества» [3, с. 7], что во многом объясняется как особенностью эпохи, так и одним из основных направлений деятельности архиепископа Никанора.

Итак, ко времени появления повести «Крейцерова соната» противостояние Толстого с Церковью уже приняло бескомпромиссный характер. Среди священнослужителей, церковных деятелей в течение 80-х годов сложилось вполне определённое мнение о Толстом и его взглядах и выработалась достаточно чёткая негативная позиция, заключавшаяся в понимании необходимости опровержения религиозно-философских, общественных и этических принципов Толстого посредством обращения к конкретным фрагментам текста Священного Писания. Именно такой подход мы видим в «Беседе высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве, против графа Льва Толстого».

Авторитет Толстого, сила влияния его идей на общество были столь значительны, что ещё до официальной публикации повесть «Крейцерова соната»

вызвала широкое обсуждение в читательской среде и в критике. Известно, что произведение было впервые опубликовано в 1891 г. в 13-й части «Сочинений гр. Л.Н. Толстого». Однако ещё до официальной публикации повесть начала распространяться в списках. «Беседа» архиепископа Никанора написана в августе 1890 г., следовательно он читал один из таких списков и одним из первых, в том числе и среди представителей церкви (наряду с профессором Казанской духовной академии А.Ф. Гусевым) [5], вступил в дискуссию.

Беседу как жанр религиозной литературы принято считать одной из разновидностей проповеди. Характерной жанровой особенностью беседы является задача убеждения читателя или слушателя в чём-либо, разъяснение каких-либо вопросов, а также диалогичность и, нередко, полемическая направленность. Эти свойства жанра во многом объясняют и особенности «Беседы», написанной архиепископом Никанором.

Композиционно работа строится следующим образом: сначала автор подробно излагает основные принципы религиозно-философского учения Толстого, его социальные воззрения. При этом преосвященный Никанор ссылается на два ранее написанных им поучения, уже упоминавшихся нами: в одном из них он рассматривает отношение Толстого к православию и его трактовку Евангелия, в другом – взгляды писателя на общество и государство. Далее он переходит непосредственно к анализу повести «Крейцера соната»: начинает с подробного изложения философии главного героя произведения, Позднышева, пересказывая по ходу содержание повести (напомним, что она ещё не была официально опубликована и распространялась литографическим способом), а затем комментирует произведение. Таким образом, следуя логике жанра, критик сначала как бы даёт слово самому Толстому, а затем раскрывает собственную точку зрения, впрочем в некоторых случаях он приводит свои комментарии и по ходу изложения взглядов Позднышева. «Беседу» в качестве эпиграфа предваряет всё та же цитата из Евангелия от Матфея (7, 15–19), которую архиепископ использовал и в предыдущих работах о Толстом.

Закономерно, что критическую оценку «Крейцеровой сонаты» архиепископ Никанор начинает с анализа религиозных и социальных установок писателя, справедливо считая их источником суждений главного героя повести о семье, браке и отношениях мужчины и женщины. Автор «Беседы» сводит трактовку Толстым Евангелия к нескольким основным принципам: «1) человек есть сын бесконечного начала, сын Отца, но не личного Бога, сын не плотью, но духом; 2) и потому человек должен служить этому началу, Отцу и Богу (но не личному) духом (не Таинствами, не богослужением, не молитвами); 3) жизнь всех людей имеет божественное начало: *она одна свята*; 4) и потому человек должен служить этому началу *в жизни всех людей*, в жизни сынов человеческих, или же Сына человеческого, – это воля Бога (безличного). *Жизнь всех людей единственная достойная поклоняемая святыня*; 5) истинная жизнь есть только в каждый миг настоящего; *обман жизни во времени, жизни прошедшего и будущего, то есть вера в вечность личного Бога, как и надежда на личное бессмертие, скрывает от людей истинную жизнь настоящего*; и 6) потому человек должен стремиться к тому, чтобы *разрушить обман прошедшего и будущего (обманчивую надежду на будущую премирную жизнь)*; 7) *истинная жизнь есть жизнь*

настоящего, присущая всем людям. И 8) потому живущий в настоящем общей жизнью всех людей, жизнью Сына человеческого, соединяется с *Отцом – началом и основой всей жизни*² (БВН, с. 4). Выделяя курсивом неприемлемые или бессмысленные с его точки зрения утверждения Толстого и расставляя акценты уточнениями, приводимыми в скобках, архиепископ Никанор тем самым сразу же фиксирует на них внимание читателей. Главное же, что он выделяет, в ракурсе последующей оценки повести «Крейцерова соната», – мысль Толстого о том, что «человеку нужно пользоваться как можно лучше мгновением быстро улетающего настоящего» (БВН, с. 5), которую он выводит из рассуждений писателя. Мысль эта опасна и может по-разному трактоваться разными людьми в зависимости от их нравственных качеств.

Раскрывая взгляды Толстого на общество и государство, архиепископ Никанор логически связывает их с религиозными убеждениями писателя. Он видит в буквальном следовании Толстым пяти евангельским заповедям (не противься злу, не прелюбодействуй, не клянись, не судись, не воюй) мощную разрушительную силу – фактически обвиняет его в извращении Евангелия, приводящем к анархизму и нигилизму. Критик отмечает любопытный парадокс, к которому приходит Толстой, отталкиваясь от основного постулата своего учения – заповеди Христа о непротавлении злу насилием. На насилии, по мысли писателя, основана любая власть, вся человеческая цивилизация, поэтому необходимо уничтожить её, игнорируя власть. Иными словами, Толстой, с точки зрения архиепископа Никанора, призывает к разрушению, которое – это очевидно – не может не сопровождаться насилием. Насилие, лежащее в основе современной цивилизации, по мысли Толстого, порождает разврат. Развратом проникнуто всё, даже те сферы человеческой жизни, где, казалось бы, не должно быть для него места. «Он отрицает различие между теми связями, которые называют супружеством, и теми, которым отказывают в этом имени», – замечает в частности оппонент Толстого (БВН, с. 5).

Цель своей «Беседы», посвящённой «Крейцеровой сонате», автор определяет так: «Мы намерены вновь разъяснить, что граф Лев Толстой *изменяет самым коренным началам общечеловеческого чувства*» (БВН, с. 6). Архиепископ Никанор констатирует, что произведение это запрещено в России, но смысла в данном ограничении он не видит, так как все произведения Толстого, даже запрещённые, рано или поздно доходят до читателя. Сам он не искал этой книги – повесть ему прислали. Популярность писателя, ажиотаж вокруг его нового произведения, в котором он вновь выступает в качестве христианского проповедника, учителя жизни, заставляют его, как священнослужителя, высказать своё мнение об этой повести.

Архиепископ Никанор резко высказывается о прямом и косвенном влиянии творчества Толстого и в частности его «Крейцеровой сонаты» на почитателей писателя: «Читатели этой новой проповеди уже нашлись, найдутся и последователи. В панурговом стаде его бесчисленных поклонников найдётся премного таких, которые и в новом его евангелии найдут руководительную для своей слепоты истину и увлекутся ею; куда увлекутся, это пока ещё трудно с точностью

² Курсив автора «Беседы».

определить. Могут даже увлечься к повальному разврату, при отвержении брака в принципе, подобно нашим раскольникам федосеевцам» (БВН, с. 8).

Критик сравнивает «Крейцерову сонату» с романом «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, противопоставляя эти произведения по духу, но сближая их по влиянию на интеллигенцию: «То и другое рассчитано на овец. Куда одна овца потянет, туда шарахнутся и все овцы. В модном по духу минутном веянии они увидят для себя руководительный свет, услышат повелительное слово гениального мудреца. По нашему же суду, это новое евангелие – слово безумца, решительно выживающего из ума. *Это измена, как мы сказали, самым коренным началам общечеловеческого чувства, да и вкуса, да и смысла*» (БВН, с. 8). Характеристика Толстого как «безумца», «выживающего из ума», по сути, является установкой на последующую отрицательную оценку «Крейцеровой сонаты».

Впрочем, прежде чем выразить свой негативный взгляд на повесть Толстого, архиепископ Никанор считает необходимым отдать должное писателю, в произведении которого «в фактической стороне... заключено много поражающей, неслыханной прежде правды» (БВН, с. 8). Однако он сразу же отмечает, что Толстой «преувеличивает её до уродливости, до отвращения» (БВН, с. 8), что он цинично, «языком врача» (БВН, с. 9), а «не взвешенным языком проповедника, оратора, философа, поэта» (БВН, с. 9) раскрывает её. Критик пишет, что по возможности постарается избежать неприличных подробностей и сосредоточит внимание на выявлении противоречий в выводах писателя и доказательстве их нелепости.

Архиепископ Никанор замечает, что автор повести отделяет себя от главного героя, но, по его мнению, это совершенно ничего не значит: устами Позднышева говорит сам Толстой. Излагая взгляды Позднышева на современную семью, брак, отношения мужчины и женщины, критик постоянно подчёркивает тождественность автора и героя: «проповедует герой Толстого, то есть сам Толстой» (БВН, с. 10), «отвечает герой Толстого, или, точнее, сам Толстой» (БВН, с. 12), «поучает герой Толстого, то есть сам Толстой» (БВН, с. 14), «замечает Толстой или его герой» (БВН, с. 24), «Как видно из вашей исповеди, вы списали вашего гнусного героя с первой половины вашей жизни. Хорош выдаваемый вами самому себе диплом на право и звание евангелиста!» (БВН, с. 32) и т. д.

Обращает на себя внимание то, что архиепископ Никанор ни разу на протяжении всей статьи не называет имени героя «Крейцеровой сонаты». Объясняется это не только тем чувством презрения и даже безразличности по отношению к нему, которое не скрывает автор «Беседы». Вероятно, это делается целенаправленно, чтобы подчеркнуть идентичность Позднышева и самого Толстого. Архиепископ Никанор указывает на то, что герой повести принадлежит к образованному, интеллигентному сословию, он дворянин и рассуждает он именно о людях, принадлежащих к этой среде. Тем самым критик связывает мировоззрение Позднышева-Толстого, представляющее собой «извращение понятий и правил» (БВН, с. 9), именно с этим сословием. Автор статьи обвиняет и писателя, и его героя в безверии, определяя их исходную позицию следующим образом: «Религия пала и не встанет...; Бога и бессмертия нет и быть не может; Христос не воскресал и не учил о воскресении. Поэтому нужно человечеству устроиться и устроить свою семейную жизнь на этой новой основе, без религии, без Бога,

без Христа Бога, однако же на основании Христова, хотя и исправленного Толстым, Евангелия» (БВН, с. 10).

По причине того что произведение ещё не опубликовано и не известно широкому кругу читателей, архиепископ Никанор подробно, на протяжении нескольких страниц излагает философию Позднышева.

Брак, по убеждению героя, может быть счастливым только в том случае, если заключающие союз мужчина и женщина воспринимают его как таинство, обязывающее их перед Богом. Но современный человек потерял веру, поэтому брак сейчас – это обман, а вступление в брак для мужчины лишь обязательное условие обладания женщиной, то есть брак – узаконенный разврат. Любовь – это тоже ложь. По мнению Позднышева, отмечает архиепископ Никанор, под словом «любовь» маскируется обычная похоть, так как современная цивилизация лишает человека способности к возвышенным чувствам.

Праздность и избыток пищи являются причиной развращения и безнравственности. Человек развращённый, не способный любить быстро достигает пресыщения в браке, между мужчиной и женщиной возникает отчуждение, доходящее до ненависти, и семейная жизнь превращается в муку.

Порочным является воспитание женщины, которой с детства внушают, что самое важное для неё – быть привлекательной, а главная её цель – прельстить как можно больше мужчин, чтобы иметь возможность выбора. Это унижает женщину, и она мстит мужчине, подчиняя его своей власти.

Другой, кроме чувственности, причиной взаимной ненависти супругов является ревность, которая вызывается недоверием друг к другу как результатом безнравственности. Даже дети в современных семьях образованного сословия не скрепляют брак, принося радость, а становятся лишь причиной тревог и страданий для родителей.

Таким образом, отмечает архиепископ Никанор, герой повести, то есть сам Толстой, приходит к выводу, что брак, семья неестественны. Но возникает вопрос: как же должен продолжаться род человеческий?

Ответ Толстого поражает автора «Беседы»: человечество должно исчезнуть, уничтожиться. Критик замечает, что нечто подобное утверждают А. Шопенгауэр, Э. Гартман и буддисты. Но Толстой предлагает свой рецепт уничтожения человечества – люди сами должны прийти к этому, отказываясь от плотской любви, являющейся грехом, от вступления в брак, от семейной жизни. Позднышев-Толстой апеллирует к Евангелию, приводя слова Христа в подтверждение своих суждений о том, что целью любого человека должно стать полное целомудрие: «Могущие вместить да вместят». По его мысли, это и есть призыв к безбрачию, а любой брак – это нравственное падение, узаконенное разрешение на разврат.

Все эти рассуждения Позднышева архиепископ Никанор излагает очень подробно, иногда повторяя некоторые мысли героя повести и тем самым заостряя на них внимание читателей. Выводы же героя «Крейцеровой сонаты» он считает абсурдными. Заметим, что по ходу подробного изложения философии Позднышева автор критической статьи фактически не приводит никаких серьёзных возражений, а лишь иногда иронизирует, выражает возмущение, констатирует своё несогласие с писателем и, резюмируя тщательно раскрытую позицию

героя повести, риторически заключает: «После такого абсурда нужны ли другие какие доказательства, что учение графа Льва Толстого сумасбродно и глубоко вредно?!» (БВН, с. 20).

Вероятно, понимая, что рационально мыслящему читателю-интеллекту нужны действительно веские аргументы, автор «Беседы» обращается к личности героя повести и рассказывает историю его жизни, опять же то иронизируя, то возмущаясь, то давая свою оценку, но не приводя веских доводов в обоснование своей позиции. Впрочем критик находит в «Крейцеровой сонате» Толстого противоречия, например, в том эпизоде повести, где писатель рассуждает о воздействии музыки на человека. С одной стороны, Позднышев рассуждает о «раздражающем» её влиянии, а не возвышающем, с другой – о состоянии прозрения, которое охватывает его во время исполнения его женой и Трухачевским бетховенской сонаты и возвышает над собственными страстями.

Архиепископ Никанор открыто и вполне определённо формулирует свой приговор герою «Крейцеровой сонаты» и её автору: «Забавно, удивительно, возмутительно, что такого безбожника, такого развратника, такое животное, животное кровожадное в страстности, такого подлого труса, такого пошлого подслушивателя и подзирателя, столь нежно жалостливого к себе самому и столь беспощадного к злосчастной жене и жалким детям, круглым сиротам матери убитой и отца убийцы, этого неистового безумца, который невольно сознаёт себя орудием дьявола, сумасбродный, самозванный евангелист Толстой возводит вместо себя на пьедестал проповедника и толковника своего собственного евангелия, на пьедестал учителя всего человечества евангельской истине» (БВН, с. 31). Сам же Толстой для него – это безбожник; данное определение становится в статье синонимом имени писателя. отождествляя героя повести с её автором, критик не учитывает того, что повесть – итог художественного вымысла, что Позднышев – художественный образ, не учитывает и того психологического состояния, в котором размышляет и высказывает свои мысли герой.

Достаточно подробно пересказывая сюжет «Крейцеровой сонаты», архиепископ Никанор, возможно, рассчитывал на то, что знакомство читателя с содержанием произведения хотя бы отчасти уменьшит его интерес к нему, снимет тот нездоровый ажиотаж вокруг повести Толстого, который возник ещё до её публикации.

Вполне резонно архиепископ Никанор задаётся вопросом, верны ли те утверждения, из которых исходит герой Толстого и из которых делает «истинно-евангельские» (БВН, с. 32), а в действительности ложные выводы. Он предлагает поклонникам писателя и людям его круга самим поразмышлять о том, правда ли, что все они потеряли веру в Бога, что у них не осталось никакой совести, и правда ли вообще всё то, что утверждает Толстой устами своего героя. Критик вновь формулирует изложенные ранее суждения Позднышева, но уже в виде вопросов, требуя искреннего ответа у самих читателей, в полной уверенности, что немногие согласятся с героем Толстого. «Всё это крайнее преувеличение, всё это ложь и клевета даже на высший интеллигентный круг, не говоря о многих миллионах среднего и низшего кругов, где нравы твёрже и проще, где веры в Бога больше, как и верности закону христианскому», – пишет автор «Беседы» (БВН, с. 35–36).

В связи с этим архиепископ Никанор делает интересные наблюдения над жанровыми особенностями «Крейцеровой сонаты». Философию Позднышева можно было бы воспринять как преувеличение, ибо речь идёт о литературном произведении, но в повести Толстого «гораздо больше общих рассуждений, чем частных действий выведенных им лиц» (БВН, с. 36). Жанр произведения он определяет не как роман («для романа его измышление... слишком коротко» (БВН, с. 36)) и не как повесть («для повести в нём слишком мало действия» (БВН, с. 36)). Он называет произведение Толстого проповедью, рассуждением: «Его герой больше рассуждает и поучает, чем действует» (БВН, с. 36). Фактически священнослужитель обвиняет писателя в тенденциозности («Всё он приурочивает к одной цели, направляет к утверждению излюбленной своей темы, что брак есть скверна» (БВН, с. 36)).

Полемизируя с Толстым, архиепископ Никанор обращается к Библии, прекрасно понимая, что толкования текстов Священного Писания, и прежде всего Евангелия, сделают его критические суждения более убедительными для читателя. Он приводит фрагменты из книги Бытия о том, что, сотворив мужчину и женщину, Бог повелел им множиться и заселять землю (Быт. 1, 27–28), что Адам сразу же после сотворения Евы полюбил её как «плоть едину» (Быт. 2, 24). Критик подчёркивает, что Христос говорит то же самое: «Иисус Христос учит: муж и жена будут и суть и да будут плоть одина; а Толстой утверждает: да не будут, потому якобы брачное сожитие – разврат, убийство и прочие хульные глаголы» (БВН, с. 38).

Архиепископ Никанор в доказательство того, что брачная жизнь не является грехом, ссылается и на слова Иисуса Христа (Мат. 19, 3–12), поясняющие фразу «могий вместити да вместит» (о возможности человека сохранять целомудрие). Иисус говорил, что целомудрие – это редкий дар, воплощающий «высшее евангельское совершенство» (БВН, с. 38), он даётся лишь избранным. Все же остальные должны жить, как благословил Творец: «раститесь и множитесь». Критик дословно приводит слова Иисуса: «Несте-ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть, и сотворив рече: сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей и будут оба в плоть едину. Якоже ктому нестя два, но плоть одина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает. А могий вместити... да вместит» (БВН, с. 38).

Сразу же за этим высказыванием Христа – подчёркивает автор «Беседы» – в Евангелии следует эпизод, в котором рассказывается о том, что к Иисусу подвели детей, чтобы он помолился о них. Но ученики не хотели отвлекать его. Архиепископ Никанор, напоминая читателям о том, как воспринимает детей герой «Крейцеровой сонаты» (порождение похоти и разврата), вновь цитирует Евангелие: «Иисус же рече им: оставьте детей и не возбраняйте им приити ко мне: таковых бо есть царствие небесное. И обнял их, и возложил руки на них и благословил их» (Мат. 19, 13–15). И священнослужитель задаёт справедливый вопрос: «Где тут хотя бы тень дикой толстовской мысли, что дети – несчастье, дети мучение, дети порождение разврата, дети проклятие семейной жизни, вечно спасающейся от этого бедствия, как на гибнущем корабле?!» (БВН, с. 39).

Каждый человек должен стремиться к совершенству, рассуждает архиепископ Никанор, и это является нашим назначением: «когда станем совершенны

яко-же Отец наш совершен, тогда и остановимся. Но это будет в конце вечности» (БВН, с. 40). Не помышлял Господь, что человек достигнет совершенства уже в земной жизни, и «этот общий взгляд нужно навести... на прочие евангельские совершенства» (БВН, с. 40), в том числе и на брак, на отношения мужчины и женщины. Архиепископ Никанор приводит ещё один довод: он напоминает о том, что Христос не случайно посетил свадьбу в Кане Галилейской и совершил там своё первое чудо. Тем самым он освятил брак.

Продолжая опровергать позицию Толстого, критик обращается к посланиям апостола Павла, отмечая, что все вопросы о браке, о деторождении, даже о склонности людей к внешним украшениям раскрыты в них обстоятельно, с истинно христианской позиции. Архиепископ Никанор называет конкретные тексты: 6 и 7 главы первого послания апостола Павла к Коринфянам, где звучит призыв к целомудрию. «Во избежании блуда, – приводит автор «Беседы» слова апостола, – каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (БВН, с. 42).

Цитирует критик и слова апостола Павла о браке, о целомудрии супругов: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. *Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.* Впрочем сие сказано мною, как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как я (девственник); но каждый имеет *свое дарование от Бога*, один так, другой иначе» (БВН, с. 42). В подтверждение мысли, что вступление в брак не является грехом, а, напротив, благим делом, архиепископ Никанор приводит ещё целый ряд достаточно убедительных высказываний апостола Павла по этому вопросу.

Отвергая суждения героя «Крейцеровой сонаты» об отношении матерей к своим детям лишь как к источнику постоянных душевных мук и страданий, автор «Беседы» вновь цитирует апостола Павла, обращающегося к своему ученику Тимофею: «*Спасется жена ради чадородия*, – учит св. Павел (I Тим. 2, 1–15), – *если при этом пребудет в вере, и верности, и в любви, и в святости с целомудрием*» (БВН, с. 44).

Словами апостола Павла архиепископ Никанор возражает и на утверждение Позднышева о неизбежно возникающей ненависти между супругами: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуйтесь друг другу в страхе Божиим. Жёны повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены. А мужья любите своих жён, как Христос возлюбил церковь. *Любить своих жён мужья должны так, как свои тела; любящий свою жену, себя самого любит. Ибо никто никогда не имеет ненависти к своей плоти, но питает и греет её.* Посему оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика» (Ефес. 5, 20–32) (БВН, с. 44). Приведённые высказывания священнослужитель обобщает таким образом: «Вообще христианство, – нельзя сказать, – благословляет, но попускает все здравые естественно-человеческие чувства, стараясь их возвысить до духовности... В этом отношении половая и семейная любовь никак не составляет исключения» (БВН, с. 44).

Далее критик Толстого опровергает суждение героя повести о том, что поэзия, искусство, разного рода внешние украшения, являясь порождением разврата, способствуют его укоренению. Архиепископ Никанор цитирует слова

апостола Павла: *«Жены, – наставляет он (I Тим. 2, 9–10), – во украшении лепотном (приличном), со стыдением и целомудрием да украшают себе, но только без излишеств, полагая свою красоту не в плетениях волос, не в золоте, ни жемчуге, ни в платьях многоценных, но в делах благих, как прилично женам, посвящающим себя благочестию»* (БВН, с. 46).

Произведения же искусства, в которых воспеваются возвышенные чувства, любовь, считает критик, не могут приносить вред человеку, а, напротив, одухотворяют его. Он обращает внимание на то, что даже в священном каноне содержится поэма, в которой воспевается возвышенная любовь (подразумеваемая, вероятно, «Песнь песней» царя Соломона).

Автор «Беседы» приводит и другой довод: сами святые отцы обращались к творчеству языческих поэтов и советовали читать их, извлекая из них то, что возвышает душу человека. Он называет имена и произведения писателей прошлых веков и современных и спрашивает: «Не видим ли мы трогательнейших поэтических образов любви, верности, самоотвержения в соотношениях двух полов даже у Гомера и Вергилия, ещё больше у Шекспира и Валтер Скотта, у Шиллера и Гёте, у Диккенса и Теккерея, у наших Пушкина (Капитанская дочка) и Гоголя (Старосветские помещики), Тургенева (Дворянское гнездо) и Достоевского (Преступление и наказание и проч.), и, наконец, у Маркевича (Двадцать пять лет назад...)?» (БВН, с. 46–47). Такие произведения искусства развивают в человеке способность любить, приобщают его к духовной жизни. «Не сумасшествие ли» (БВН, с. 47) отрицать их, как это делает герой «Крейцеровой сонаты», то есть сам Толстой, – с возмущением пишет архиепископ Никанор.

Задавая себе вопрос, есть ли какая-то закономерность в появлении «юродамыслителя, писателя, проповедника, скептика, циника, разрушителя, отрицателя не только всяких святоотеческих преданий, не только всякой культуры и цивилизации, как продукта насилия и разврата, но и всякой поэзии, отрицателя жизни не только своего круга, но и всего человечества» (БВН, с. 48), критик обращается к истории античного мира и замечает, что появление подобных скептиков, отрицателей и разрушителей (в качестве примера он называет поэта Лукреция) знаменует собой распад цивилизации. Поэтому факт появления в русской жизни Толстого, его растущее влияние и популярность вызывают у священнослужителя чувство тревоги за будущее России. Вместе с тем он выражает надежду на то, что идеи, которые проповедуют Толстой и его последователи, – веяние наносное, временное, чуждое народной жизни, это лишь пена на поверхности океана. «Даст Бог, русская жизнь потечёт по своему естественному наклону, по велению судеб. Тем не менее для круга, к которому относит себя сиятельный граф Толстой, этот роковой признак имеет грозно-внушительное значение», – пророчески предостерегает архиепископ Никанор и, обращаясь к образованному обществу, поклонникам Толстого, упрекая их в безверии, развращённости, бездуховности («вы сгнили до корней» (БВН, с. 49)), он призывает одуматься, покаяться и вернуться к духовным истокам. В связи с этим автор «Беседы» вспоминает Н.Г. Чернышевского, который «перед смертью... жалел о прошлом, и желал исповеди и причащения» (БВН, с. 50).

Нельзя не согласиться с критиком Толстого в том, что идеи писателя отражают умонастроения прежде всего представителей интеллигенции. Простой же

народ в основном склонен придерживаться религиозных и бытовых традиций, в нём есть ещё вера в Бога, вера в таинство брака и крещения. Автор «Беседы» говорит о том, что сам многократно видел женскую скромность и стыдливость, благоговейное отношение мужей к своим жёнам, счастливые супружества. Он приводит слова апостола Петра (I Петр. 3, 2–4) и заключает: «Жена властвует над мужем не чувственностью, а своею внутреннею привлекательностию, чистотою, стойкостью и самоотвержением своей христианской души» (БВН, с. 52).

С особым, тёплым чувством архиепископ Никанор пишет об отношениях супругов в семьях священников и об отношении к детям в этих семьях, которые, по его справедливому мнению, также опровергают суждения героя повести Толстого.

Критик с уверенностью утверждает, что простой народ, прежде всего крестьянство, не затронул тот духовно-нравственный распад, о котором пишет Толстой в своей повести. Но не в этом ли точка соприкосновения позиций двух оппонентов? Для Толстого крестьянство было тем сословием, которое являлось носителем духовного, нравственного начала и с которым он связывал будущее России. Насколько же уместен в таком случае тот обличительный пафос, который автор «Беседы» направляет на самого Толстого, а не на героя его повести?

Прекрасно понимая, что современный читатель проявляет большой интерес к научным исследованиям, архиепископ Никанор в качестве доказательства возможности духовного единения в браке приводит факты, которые заинтересовали учёных, например, что смерть одного из супругов вскоре приводит к смерти другого или что супруги, долгие годы прожившие в счастливом браке, даже внешне становятся похожими и их нередко принимают за брата и сестру. Если публикация подобных сведений на страницах ежедневной газеты – явление обычное, то использование их священнослужителем в произведении, написанном в жанре беседы, выглядит не совсем органично. Обращение к любопытным жизненным фактам даёт возможность привлечь внимание простого читателя, обывателя, не имеющего каких-либо серьёзных знаний.

Отождествляя героя «Крейцеровой сонаты» и её автора, архиепископ Никанор стыдит писателя за те суждения, которые будут восприняты читателями как результат его личной семейной жизни. Критик спрашивает Толстого, как тот сможет смотреть в глаза своей жене и своим детям после сказанного в повести: «что они, живя много лет в брачном сожитии и родив много детей с своею женою, занимались с ней не иным чем, как свинством, сказать в глаза своим возрастным сыновьям, графам, что они порождение не более, как свинства, мерзости, гадости, пакости?!» (БВН, с. 54). Он обвиняет писателя в гордыне, а его жену Софью Андреевну, которая, по мнению архиепископа Никанора, не могла не видеть всего этого и вместе с которой они «выпускали в свет свою поганую “Крейцерову сонату”» (БВН, с. 54), – в корысти. И вновь автор «Беседы» цитирует слова апостола Петра о благотворном влиянии жены на мужа своей чистой и богобоязненной жизнью (I Петр. 3, 1–12) (БВН, с. 54–55).

Заканчивает «Беседу» архиепископ Никанор той же самой цитатой из Евангелия (Мат. 5, 15–19), которая является эпиграфом к его произведению и повествует о лжепророках, а также ещё одной цитатой, звучащей как осуждение Толстого: *«Горе вам, книжницы, фарисее, лицемеры, яко одесятствуете тмин*

и мяту (лепите печи, тачаете сапоги), *и остависте вящшая закона, суд и веру»* (Мат. 23, 23) (БВН, с. 56).

Кольцевая композиция «Беседы» даёт возможность её автору ещё раз подчеркнуть своё отношение к Толстому как лжепророку, несущему зло. Вместе с тем нужно отметить, что построение «Беседы» отличается некоторой усложнённостью: изложение взглядов главного героя, последующий пересказ сюжета, а затем вновь обращение к философии Позднышева, анализ которой сопровождается комментариями критика, вызывают ощущение ненужной повторяемости, что затрудняет восприятие текста. Не случайным является на первый взгляд незначительное замечание А. Крылова – автора уже упоминавшейся нами библиографической заметки – о воздействии проповедей архиепископа Никанора на читателя и о том, кто является потенциальным читателем его произведений: «...Проповеди Высокопреосвященного оратора, отличаясь многосодержательностью, страдают порой длиннотою в изложении и требуют напряжённого внимания от читающего, так что для простого народа, на наш взгляд, они малопригодны, зато какое духовное наслаждение, какое возбуждающе одушевляющее действие они производят и должны производить на людей мысли, в особенности на пастырей церкви!» [6, с. 9].

Негативную позицию архиепископа Никанора в отношении содержания повести «Крейцера соната» и её автора отражают интонационно-стилистические особенности его «Беседы». Мы видим иронию, нередко переходящую в сарказм: «Как же продолжаться роду человеческому? Да зачем ему продолжаться? – учит гениальный учитель граф Л.Н. Толстой» (БВН, с. 17), или «Для достижения же блага человечеству дан закон (в толстовском евангелии)» (БВН, с. 18), «Вследствие же уничтожения плотской любви сам собою уничтожится весь человеческий род. Умно!», – оценивает он тезис, выдвигаемый главным героем повести (БВН, с. 19). «Забавна аналогичная с сатанинской боязнь у такого проповедника евангелия, даже евангелиста, как граф Толстой», – замечает критик в связи с тем, что Позднышев не употребляет в своей речи слова «церковь» (БВН, с. 31); «Господь Иисус беспредельно мудрее всякого мудреца, будь это сам граф Лев Толстой» (БВН, с. 39).

Увлекаясь обличением Толстого, разоблачая нелепые и бессмысленные, по его мнению, суждения Позднышева, автор «Беседы» доходит в оценках и определениях до крайней резкости, граничащей с откровенной грубостью: «выживший из ума граф Л.Н. Толстой» (БВН, с. 18), «наш отечественный сумасброд», «Так ли мы поняли этого юрода?» (БВН, с. 19), «говорит Толстой в своём умоисступлении» (БВН, с. 25), «Не явный ли знак, что у старика, ослепшего от сатанинской гордыни... мозги перевернулись?!» (БВН, с. 54).

Использует критик и приём сопутствующих комментариев, примером чего может служить следующий фрагмент статьи: «Цель как человека, – поучает граф Лев Толстой, – так и человечества – благо. Для достижения же блага человечеству дан закон (в толстовском евангелии), который оно должно исполнять. Закон же – в единении людей (а что ж такое это единение?). Мешают этому единению страсти (откуда это видно? Страсти мешают, но и помогают единению). Из страстей самая сильная и злая – половая плотская любовь (она то и содействует единению человечества в единой крови). И потому если уничтожатся

страсти и последняя самая сильная из них – плотская любовь, то единение совершится (разъединение совершится), человечество исполнит свой закон (откуда же видно, что уничтожение плотской любви, лежащей в самом корне человеческой организации, есть закон плотского человечества?), и человечеству незачем будет жить (умственное помешательство, сумасбродная галиматья)» (БВН, с. 18).

Эмоциональность, с которой архиепископ Никанор обличает Толстого, едва ли могла произвести должный эффект на читателя-интеллигента – поклонника таланта писателя или последователя его учения. Никакие экспрессивно-стилистические средства воздействия не могли заменить для него рациональных аргументов. Более того, резкая манера ведения полемики, скорее всего, производила обратный эффект. Поэтому особое значение и убедительность имеют не столько эмоциональные выпады архиепископа Никанора против Толстого, сколько обращение к конкретным текстам Священного Писания и комментарии к ним священнослужителя. Автор «Беседы» выбирает наиболее значимые высказывания, которые становятся серьёзными аргументами в дискуссии с Толстым.

Отрицание, разрушение традиции – характерная черта эпохи конца XIX в., отражающая исчерпанность того состояния человеческого общества, которое удовлетворялось верой, того состояния человеческой личности, когда она находила примирение и успокоение в следовании религиозным идеалам, учению Церкви. Новый век – век позитивизма – требовал рационального объяснения веры и смысла тех традиций, которые существовали на протяжении веков, в том числе осмысления значения семейных отношений. И в этом контексте позиция Л.Н. Толстого, которую он выразил в повести «Крейцера соната», была более привлекательна и убедительна для значительной части русской интеллигенции, что и доказывают его популярность и авторитет.

Сила позиции Толстого – в новизне трактовки Евангелия, в котором он видит прежде всего законы, данные человечеству как руководство к реальной, земной жизни, законы, необходимые для достижения гармонии в межличностных, общественных отношениях, в том числе и в отношениях между мужчиной и женщиной в семье. Сила «Крейцеровой сонаты» – в искренности и откровенности писателя, который устами своего отчаявшегося героя говорит о трагичности современной жизни. И даже тот парадоксальный вывод о необходимости полного и всеобщего целомудрия, неизбежности вырождения человечества, к которому приходит главный герой повести и который становится главным пунктом обвинения со стороны архиепископа Никанора, лишь делает произведение ещё более реалистичным, придаёт повести большую убедительность на фоне духовного кризиса русского общества конца XIX в., сложности и противоречивости самой жизни.

Одной из важнейших проблем конца XIX в. становится проблема влияния на общественное сознание. На примере критической статьи архиепископа Никанора и в целом полемики между Л.Н. Толстым и Церковью можно проследить то, как великий писатель, следуя веянию времени, берёт на себя роль религиозного реформатора, становясь одним из разрушителей авторитета Церкви, и как разгорается борьба за умы людей. В этой борьбе Церковь даже в лице наиболее ярких своих представителей, таких как архиепископ Никанор, оказалась не вполне готова к дискуссии с Толстым.

Важнейшее условие любой дискуссии – сила аргументов. Религиозно-философский рационализм Толстого, при всех частных противоречиях и парадоксах, был более убедительным для многих его современников, чем эмоционально-экспрессивные выступления защитников Церкви, в данном случае архиепископа Никанора. Его критическая статья и по содержанию, и по форме была ориентирована не столько на современного интеллигента-позитивиста, сколько на человека верующего, религиозного, для которого текст Священного Писания являлся законом жизни и решающим аргументом в дискуссии. Но едва ли она могла произвести должное впечатление на сторонников Толстого.

Полемика Л.Н. Толстого с Церковью интересна и значима не только в плане понимания мировоззрения писателя, его творческого наследия, но и как важнейший фактор постижения глобальных процессов, происходивших в русском обществе в эту эпоху. Труды архиепископа Никанора, посвящённые религиозно-философским взглядам и творчеству писателя, демонстрируют нам то, как велась эта полемика, представляют важные сведения для понимания специфики позиции её участников.

Summary

B.I. Kolmakov. “The Kreutzer Sonata” by L.N. Tolstoy in the Critical Evaluation of Archbishop Nikanor (A.I. Brovkovich).

This paper deals with the problem of critical perception of the literary works and religious and philosophical views of L.N. Tolstoy by the Orthodox Church. The analysis focuses on the critical speech of Archbishop Nikanor (Brovkovich), dedicated to the writer’s famous novella “The Kreutzer Sonata”. It is considered how the teaching of Tolstoy, expressed in his work, was perceived and estimated by the critic. The compositional and stylistic peculiarities of Archbishop Nikanor’s article are also discussed.

Keywords: L.N. Tolstoy, Archbishop Nikanor (Brovkovich), novella “The Kreutzer Sonata”, Orthodox Church, literary criticism.

Источники

ППНО – Поучение преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского в церкви Одесского епархиального женского училища, в храмовой день иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского о трёх старцах, или о том, что должно изучать и знать веру христианскую (Против графа Л. Толстого). – Одесса: Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1889. – 16 с.

ППНН – Поучение преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, на день святого благоверного князя Александра Невского (23-го ноября 1886 года), о том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает основы общественного и государственного порядка. – Одесса: Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1889. – 16 с.

БПН – Беседа преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, в день святого апостола Андрея Первозванного, о том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии. – Одесса: Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1889. – 16 с.

БВН – Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве, против графа Льва Толстого. – Одесса: Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1890. – 56 с.

Литература

1. *Красносельцев Н.* К истории «Православного собеседника» (по поводу тридцатилетия журнала) // *Православный собеседник*. – 1885. – Ч. 3. – С. 459–507.
2. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 годы): в 3 вып. – Казань: Тип. Императорского университета, 1892. – Вып. 2. – IV, 593 с.
3. *Крылов А.* Рец. на кн.: Никанор (Бровкович). Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Т. II. – Новочеркасск: Тип. Н.И. Редичкина, 1886. – 8 с. (Отд. отт.: Донские Епархиальные Ведомости. 1886. № 6, 10.)
4. *Крылов А.* Рец. на кн.: Никанор (Бровкович). Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Т. IV. Одесса. 1887. – Новочеркасск: Тип. Н.И. Редичкина, 1888. – 11 с. (Отд. отт.: Донские Епархиальные Ведомости. 1888.)
5. *Колмаков Б.И.* Повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната» в оценке А.Ф. Гусева (по публикациям журнала «Православный собеседник») // *Русская литература XVIII – XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций. Дискурс о современности: Материалы Междунар. науч. конф.* – Lodz: Primum Verbum, 2010. – С. 59–68.
6. *Крылов А.* Рец. на кн.: Никанор (Бровкович). Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Т. III. 1886. – Новочеркасск: Тип. Н.И. Редичкина, 1886. – 9 с. (Отд. отт.: Донские Епархиальные Ведомости. 1886. № 20, 22, 23.)

Поступила в редакцию
14.12.12

Колмаков Борис Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Boris.Kolmakov@kpfu.ru